

Савелий Абрамович Сорин в Закавказье

Пребывание С.А. Сорина в Закавказье приходится на 1919—1920-й гг. Художник перебрался туда из Крыма, где он находился с осени 1917 г. В Крым Сорин уехал из Петрограда накануне октябрьских событий в надежде переждать там беспорядки в столице. Никто из окружения художника, как и он сам, не догадывался тогда о масштабе событий и не подозревал, что теплая осень в Крыму станет началом растянувшегося почти на три года пути в эмиграцию. Закавказье стало одной из остановок на этом пути.

Переезд из Крыма на Кавказ стал следствием коренного изменения в положении на фронтах гражданской войны, весной 1919 вплотную приблизившихся к Крыму.

Находившаяся там художественная интеллигенция, ориентированная, главным образом, на эмиграцию из охваченной революцией России, стремится выехать из Крыма во Францию. Среди беженцев — и Сорин с супругами С.Ю. и В.А. Судейкиными, дружба с которыми началась еще в мирном Петербурге. Весь крымский и кавказский период их жизни отражен в Дневнике Веры Судейкиной, который стал замечательным источником не только биографических сведений об известных художниках, но и свидетельством очевидца о непрекращающейся в столь непростых исторических условиях художественной жизни Юга России.

Сам Сорин о переезде на Кавказ писал уже во Франции М.Д. Врангель, матери известного искусствоведа Н.Н. Врангеля, умершего еще в 1915, с которым художник, видимо, был знаком по петербургским выставкам «Мира искусства», и не менее известного генерала П.Н. Врангеля: «Я выехал из Крыма в Новороссийск на пароходе *Посадник* в апреле 1919 г. Оттуда попал в Грузию, где пробыл год и 8 мая 1920 года выехал из Батума в Марсель, а оттуда в Париж 20 мая 1920 года» (письмо Сорина к бар. М.Д. Врангель от 20 августа 1929; Hoover Institution (Stanford University, USA) [цит. по: 10, с. 619]. Сорин уехал из Крыма вместе с Судейкиными. Более того, именно он был инициатором отъезда [см.: 8, с. 125], однако, путь их должен был лежать вовсе не на Кавказ. На перипетии непростого путешествия указывает Дж.Э. Боулт: «Судейкины (в апреле 1919 г.) решились уехать во Францию через Константинополь; но пароход, на котором они плыли, попал в грозу, потерял курс и оказался не в той стороне Черного моря» [1, с. 164].

Однако, жизнь в Новороссийске была не менее беспокойна, чем в охваченном гражданской войной Крыму, и потому никто из беженцев там долго не задержался.

Путь их лежал в Грузию, в Тифлис. «Гражданская война бушевала по ту сторону хребта, и в те годы Тифлис представлял собой оазис относительного спокойствия. Сюда, убегая от ужасов гражданской войны и голода, устремилось множество русских поэтов, художников, писателей, музыкантов» [19, с. 30]. Сначала уехали Судейкины, Сорин остался в Новороссийске несколько дольше [см.: 10, с. 619], но уже в начале мая, как свидетельствует Дневник В. Судейкиной, они повстречались в Тифлисе.

Что представлял собой тогда этот благословенный край? Вот несколько характерных свидетельств:

«19-й год...

Бушует в России гражданская война. И бежит, бежит она, Россия, по льду Финского залива, через Бессарабию, через Крым, через меньшевистскую Грузию в разные стороны, куда глаза глядят. Город переполнен беженцами, он дает им передышку, а потом бег дальше, дальше от красной инквизиции.

И Тифлис становится временным пристанищем для потерявших свою страну людей. Тифлисский, знаменитый впоследствии футурист Илья Зданевич, плод смешения польских и имеретинских кровей, писал о Тифлисе, расположенном на 41-ом градусе широты: “Большинство великих светоносных городов — Мадрид, Неаполь, Константинополь, Пекин, Нью-Йорк — расположены на 41-ом градусе. Иисус провел в пустыне 40 дней; Заратустра — тоже; из 41-го дня они вышли окрепшими. 41 является символическим числом”. Сюда, на 41-й градус, ехали сотни, тысячи белых. От гражданской войны, холода и голода сюда шла толпа беженцев. Приехавшие и жившие в Тифлисе смешались, чтобы создать удивительную, неповторимую по своему звучанию гамму. Это было только временно. И нельзя сказать, что такое смешение племен и народов было в Тифлисе впервые. Если немного поскрести каждого истинного тифлисца, то можно обнаружить среди его предков итальянцев, немцев, французов, венгров, поляков и многих, многих других. Тифлисцы в очередной раз гостеприимно распахнули свои сердца и двери своих домов. Наступил тифлисский серебряный век. Он был уже подготовлен всем предыдущим временем. Учились в Париже художники — Ладос Гудиашвили, Эличка Ахвледиани, Шалва Кикодзе. Яков Николадзе стажировался у Родена. И так как в Тифлисе все переплетено, его внучка, Русудан Николадзе, вышедшая замуж за историка Полиевктова, жила в Тифлисе на Гановской улице в квартире, расписанной Сергеем Судейкиным. В недалеком прошлом этот дом принадлежал князю Туманову, который любил устраивать домашние театральные представления. Это было модно и делалось во многих тифлисских особняках. И вот Судейкиным расписывается обыкновенный дом в стиле комедии дель арте и античных театральные масок. И штрих

времени — на одной из этих росписей был изображен запрещенный позже мэтр тифлисских писателей и поэтов Григол Робакидзе. Чтоб не вызывать гнева властей придерживающихся, позже поверх портрета Робакидзе был нарисован Шота Руставели. А Сергей Судейкин, московский художник, бежавший из Москвы в 1919 году, вместе с Ладом Гудиашвили, Давидом Какабадзе и Савелием Сориным расписывают в подвале Артистического общества ставшее знаменитым артистическое кафе “Химериони” — прибежище тифлисской богемы тех лет. И не только они расписывали “Химериони” — там были и Давид Какабадзе, и Кирилл Зданевич, брат Ильи Зданевича. Невозможно, чтобы какое-то участие в этом предприятии не принимали и другие художники, хотя бы советами или посещениями — это и Зигмунт Валишевский, и Александр Бажбеук-Меликов и многие другие. Как из рога изобилия сыпались артистические кафе с причудливыми названиями, вроде “Химериони” — “Ладья аргонатов”, “Фантастический кабачок”. Приехавший еще в 1917 году в Тифлис поэт Сергей Городецкий организует “Тифлисский цех поэтов”, провозгласив себя “синдиком”. Среди адептов Рафалович, Эльснер и многочисленная группа начинающих поэтов: Татьяна Пояркова, Борис Данцигер, Александр Гербстман, Владимир Сапожников, Григорий Баммель (Бажбеук-Меликов), Борис Агапов, Обольянинов, Николай Образцов (бывший священник), Анна Антоновская, генерал Александр Кулебякин и другие» [14].

Об упомянутом изображении Г. Робакидзе находим более подробное свидетельство: «Любопытная история произошла с <...> картиной Судейкина [“В тифлисском кафе”, 1919, ныне собр. В.П. Енишерлова, Москва — А.Ш.], которая многие годы находилась у поэта Сергея Городецкого. На картине изображены реальные лица из окружения самого художника и Городецкого, а также неожиданным образом... Шота Руставели. Такой мифопоэтический приём соединения в пространстве одной картины разновременных персонажей характерен для Судейкина. Когда картина попала к новому владельцу, он отдал её в реставрацию. Оказалось, что фигура Шота Руставели наклеена поверх другой фигуры — под ней находилась фигура поэта Григола Робакидзе. Вероятно, в начале 1930-х годов, когда Робакидзе уехал в эмиграцию и его объявили официально “врагом народа”, хранить такую картину было крайне опасно. И Городецкий сам нарисовал портрет Шота Руставели на бумаге, вырезал по контуру и наклеил на судейкинский рисунок поверх изображения опального писателя. Недавно была обнаружена публикация этой работы С. Судейкина в журнале “Искусство” (Тифлис. 1921. № 11. С. 3), где все персонажи на этой гуаши предстают в первоначальном — подлинном — виде: Г. Робакидзе, А.А. Городецкая, В.А. Судейкина, С.А.Сорин, а в зеркале отражены: С.Ю. Судейкин, С.М. Городецкий, В.В. Каменский» [8, с. 122-123].

Но продолжим о Тифлисе: «”Это было в 1919 году. Тифлис жил большой литературной жизнью. <...>. На Тифлис шла волна беженцев. В их числе было много русских деятелей — писателей, художников, людей политики, искусства...

В Тифлисе гостили тогда художники С. Судейкин, С. Сорин, Н. Евреинов, С. Городецкий, Н. Ходотов, С. Рафалович, Р. Ивнев” (Николо Мицишвили “Эпопея”).

“<...> Уже второй год мы живем в полной отрезанности от внешнего мира. И за это время жизнь искусства у нас развилась и расцвела. Два больших театра, множество мелких, большой концертный сезон, консерватория, литературные кружки, студии, художественные салоны — все это создает атмосферу подлинного искусства, атмосферу большого центра... Вместе с тем переживаемый момент характеризуется расцветом искусств национальных, которым раньше ставились серьезные препоны и которые переживают сейчас свой медовый месяц” (Журнал “Искусство” № 1, 1919).

“<...>Художественный быт Тбилиси в эти бурные годы революции отличался большим разнообразием — в нем активно участвовали различные художественные группировки, делающие первые шаги национальные художественные объединения, верные традициям салонного академизма “Кавказское общество поощрения изящных искусств”, объединение “Малый круг”, включающее избранных художников, ориентирующихся на традиции позднего “Мира искусств”, и, наконец, группа авангардистов, выступавшая под лозунгами футуризма.

Процесс накопления новых художественных сил, становления и укрепления национальных живописных школ созревало медленно и оказался близок к завершению как раз в годы революции 1917-1920 годах. ... Культурная жизнь города, подготовленная предшествующим развитием, стихийно достигла небывалого размаха” (Нонна Элизбарашвили “Живые страницы летописи” — “Литературная Грузия” № 8, 1981 г.).

В городе в это время открываются и бурно действуют артистические кафе — “Братское утешение”, “Химериони”, “Павлиний хвост”, “Медный котел”, “Ладья Аргонавтов” и, самый творческий, “Фантастический кабачок”. Не менее интенсивна и жизнь художников. Помимо молодых тбилисцев Ладо Гудиашвили, Александра Бажбеук-Меликова, Кирилла Зданевича, Сигизмунда (Зиги) Валишевского — все они члены компании “41°” — здесь экспонируют свои работы Сергей Судейкин, Савелий Сорин, Сергей Городецкий, Алексей Крученых, Игорь Терентьев. Тбилисцы имеют возможность знакомиться и с самыми последними опытами самого авангардного российского авангарда. Есть и упоминание о выставке фотографии, как самостоятельного изобразительного жанра, о чем комментатор провидчески замечает, что “фотография, как искусство, для нас еще дело будущего” (журнал “ARS” № 1, 1918)» [16; 12].

И вот на этом фоне складывается быт художника Сорина, о котором мы узнаем из Дневника Веры Судейкиной:

«09.05.19. Вдруг: Савелий! Рассказы без конца. Савелий благословлял каждую минуту, которая нас удаляла от Новороссийска, потому что там стало нестерпимо. “Кого мобилизовали, как Вы думаете? — Князя Щербатова!” Савелий настоящий друг — он имел возможность уехать даром в Америку и не уехал из-за нас <...>. “Только из-за Вас не поехал, а заграничный паспорт уже был готов, я только должен был за ним съездить в Екатеринодар”. — “Почему же Вы на всякий случай не взяли его?” — “Потому что стали ходить слухи, что сообщения между Новороссийском и Батумом больше не будет, я и поспешил <...>”.

11.05.19. Савелий рано утром приносит газету с Сережиным [Судейкин — А.Ш.] интервью. Он недоволен одним местом: “Я аполитичен, я считаю, что искусство стоит вне времени... Я не верю в единую Россию — добровольческую или большевистскую, но я верю в эстетические ценности и глубоко верю в возрождение России...” — “Нехорошо, Сережа, ты все же русский человек”. И возникает долгий, политико-художественный разговор. <...>. Как ни стараемся мы перейти на другие темы, Сорин все возвращается к политике <...>.

12.05.19. Сорин <...> очень порядочный человек» [13, с. 375, 377].

Несмотря на все трудности, сопряженные с неустроенным бытом беженцев, с порождаемым нестабильной политической ситуацией душевным непокоем, художник продолжает упорно трудиться, участвует в выставках. Так, в своей автобиографии «Мой путь» С.М. Городецкий вспоминал, как в Тифлисе он «вместе с художниками С. Сориным, С. Судейкиным, Л. Гудиашвили выступал на выставках» [2, с. 14]. В частности, он писал: «<...> Я работал в кабачках, сочиняя по договору пьеску в неделю, переделывал Андерсена, восточные сказки, устраивал выставки вместе с С. Сориным и С. Судейкиным» [3, с. 322].

Сведения об участии Сорина в состоявшейся в Тифлисе в мае 1919 второй выставке «Малый круг» [см.: 8, с. 311] находим в Дневнике В. Судейкиной: «19.05.19. Сережа с Сориным идут с утра на выставку. Все благополучно. Вечером Сережа едет к Городецкому <...>. <...> узнаю о странном поведении Городецкого. На замечание <...>, что у Судейкина изумительные картины, он промолчал, а о Сорине сказал: “Прежде у него были очень сладкие портреты”» [13, с. 381-382].

Выставка «Малый круг» открылась во вторник 20 мая 1919 в помещении Тифлисского кружка на Головинском пр., 10. В ней приняли участие А.А. Бажбеук-Меликов, С.В. Валишевский, Ладос (В.Д.) Гудиашвили, К.И. Евсеев, А.А. Зальцман,

А.П. Карикова, М. Калашников, Е.Е. Лансере, К.Н. Оганджанова, Р.З. Рубен, С. Сорин, С.Ю. Судейкин, К.Э. Тир, Е.А. Флоренская, Б.А. Фогель и О.И. Шарлемань [см.: 10, с. 620-621]. Выставка продлилась до 2 июня. Был издан ее каталог: «Каталог 2-й выставки “Малый круг”». — Тифлис, май 1919 [см.: 8, с. 311, 323]. На ней были представлены восемь работ Сорина, написанные, главным образом, в Крыму в период 1917—1919: портреты Г. Бруса, кн. О.К. Орловой, кн. С.П. Оболенского, С.Д. Сазонова, В.Г. Тищенко и этюды (по каталогу с. 8, №№ 64-72) [см.: 10, с. 620-621].

В газете «Кавказское слово» от 22 мая была помещена рецензия С.М. Городецкого на выставку «Малый круг»: «Выставка художников, объединенных под этим заглавием, интересна и благодаря участию трех петроградцев — Судейкина, Сорина и Лансере. Все эти три художника уже давно определились как крупные мастера, и было любопытно посмотреть, как отразилась на их творчестве война и революция, пережитые ими в горниле событий. Их работа углубилась и стала более строгой. Внешняя красота, экзотизм, изысканность сменились упорным желанием выявить самое сокровенное, что таится в них самих и в их натуре» [цит. по: 4, с. 183-184].

Если на выставке была представлена пусть и недавняя, но все же уже перевернутая страница творчества художника, то в летние дни 1919 он всецело занят несвоими ему монументальными работами — вместе с Судейкиным и грузинскими художниками Д. Какабадзе и Л. Гудиашвили выполняет интерьерные росписи кабачков поэтов «Химериони» и «Ладья аргонатов» в Тифлисе, завсегдатаями которых были композитор Ю. Черепнин, режиссер Н. Евреинов, жена Городецкого поэтесса Нимфа Бел-Кон Любомирская, поэт Сергей Рафалович и известные поэтические авангардисты Крученых, Игорь Терентьев, Татьяна Вечорка [см.: 11, с. 228-229].

Кроме того, Сорин и Судейкин преподают в студии искусств «Класс № 7» [см.: 11, с. 228-229].

В Тифлисе Сорин продолжает интенсивно работать над портретами и имеет большой и заслуженный успех. «Он написал здесь прекрасный портрет шестнадцатилетней красавицы княжны Элисо Дадияни, и все пишущие тифлиссские дамы (а также часть мужчин) откликнулись на это событие стихами, посвященными и Сорину, и портрету (но не самой княжне). Трудолюбивая Вера Судейкина собрала все эти плоды тифлиссского творчества в свой “Салонный альбом”. Вот как обратилась к Сорину супруга Городецкого Анна Александровна Любомирская (любившая, чтоб ее называли Нимфа Бел-Кон<...>):

Певец старинной красоты,
Путеводитель душ печальных,

Твои портреты, как цветы,
Растут в долинах погребальных.
Истлев, ушел аристократ,
И руки женщин огрубели.
Но этот мир твой зоркий взгляд
Живописал нежней свирели.
Взойдешь к тебе, и снятся сны,
Глядит так скорбно Дадиани,
И, полн порочной глубины,
Тигриный взор Орловой ранит
и т. д. и т. п.

Нимфе Бел-Кон вторила поклонница Крученых и Хлебникова Татьяна Вечорка
(Толстая):

В снегу из ватманских экранов
Наметен мех и жемчуга.
Сангвина тусклых губ — легка,
Хрусталь махровых глаз — заманит.
Спокойно скальпель кисти светской
Бесплотной силой ворожил,
Когда художник нерв души
Открыл почтительно и дерзко <...>

(Надо отметить, что эти записи в Альбоме В. Судейкиной относятся к более позднему бакинскому периоду с декабря 1919 по март 1920 — А.Ш. » [11, с. 228-229].

Элисо Дадиани (1903-1944) блистала красотой в Тифлисе с конца 1910-х гг. Дом князей Дадиани славился своим гостеприимством. Здесь бывали как представители грузинской интеллигенции, так и русские художники. В своем портрете Элисо Сорин создал романтический образ девушки, облаченной в почти античное одеяние с живописно ниспадающими складками, в руке она держит раскрытую книгу. «Образ модели излучает такую женственность в сочетании с решительностью характера, что невольно вспоминаешь: “чистейшей прелести чистейший образец”», — писала о портрете искусствовед И.П. Дзуцова [5].

Уже упомянутый Г. Робакидзе записал, что Сорин переносил профили грузинок на свои полотна «красивыми, очень красивыми линиями» («Фалестра»).

К числу известных в ту пору тифлисских красавиц относились и другие модели Сорина:

«Многим тифлисским друзьям и поклонникам [княжна] Мелита [Тадиевна Чолокашвили] запомнилась по портрету Савелия Сорина. Художник <...>, пробыв здесь [в Тифлисе — А.Ш.] неполных два года, принял живое участие в художественной жизни города. <...>. В Тифлисе Сорина привлекла красота и восточная грация грузинских княжон. Он не писал заказных портретов, а работал по вдохновению. И хотя молодые деятели левого искусства именовали Сорина “салонным” художником, но его работы повлияли на творческую манеру некоторых из них, например, Зигмунда Валишевского.

В 1978 г. Мелита вспоминала о сеансах позирования С. Сорину. Писал он медленно — 32 сеанса, молча и мрачно смотрел на нее, требуя, чтобы она позировала как профессиональная натурщица. Для Мелиты же было утомительно стоять неподвижно, с одним и тем же выражением лица, и смотреть на художника, который “не был красавцем”.

— Сорин, я устала.

— Да, но выражение, но выражение — вы думаете, что вы красивы? На вас противно смотреть. Вы — не Мери Шервашидзе-Эристова. Вы хороши только в динамике.

— Сорин, мне надоело. К черту ваш портрет. Я ухожу.

Сорин, бывший в приятельских отношениях с К. Зеленским [мужем М. Чолокашвили — А.Ш.], прибежал к ним домой: “Только некультурная женщина может так поступать. Теперь, когда портрет почти закончен и осталось два сеанса. Уйти и испортить вещь художнику”. Милейший светский человек в жизни, в творчестве Сорин был требовательным и бескомпромиссным. Портрет Мелиты художник сумел докончить в Париже лишь в 1927 году. И, по-видимому, портрет Чолокашвили был последним по счету в его портретном цикле тифлисского периода» [5].

Современница художника Саломея Андроникова, вспоминая Элисо Дадиани и Мелиту Чолокашвили, писала: «Их “знаменитость” исключительно в их красоте. Обе были действительно красавицы. Они не одни были в той эпохе, но их выделил и обесмертил Сорин» [цит. по: 5].

Портреты тифлисских красавиц Сорин впоследствии увез с собой во Францию. В 1929 г. в Берлине был издан альбом его работ, в котором были помещены и эти портреты. В 1974 г. вдова художника А.С. Сорина привезла в дар Государственному Музею изобразительных искусств Грузии им. Шалва Амиранашвили «Портрет Эписо Дадиани» и «Портрет Мелиты Чолокашвили». «Таким образом, осуществилось предсмертное желание Сорина, чтобы картины, когда-то созданные им в Тифлисе, о котором он хранил самые добрые воспоминания, вернулись грузинскому народу» [5].

Еще одна известная модель соринского портрета — княгиня Мария Прокофьевна Эривасти (урожденная княжна Шервашидзе-Чачба), знаменитая «княжна Мэри» до-революционного Тифлиса. О красоте ее ходили легенды. Рассказывали, что Николай II, пораженный ее красотой, заметил как-то молодой фрейлине: «Грешно, княжна, быть такой красивой!» [см.: 15].

Сохранилась фотография, запечатлевшая сеанс позирования Мэри Эривасти художнику в имени князей Эривасти летом 1919. Портрет этот стал культурным событием. Его репродукцию, как свидетельствовал современник, можно было увидеть в самых неожиданных уголках Грузии. Театрально-художественная хроника газеты «Понедельник» сообщала о том, что «в художественных кругах много толков вызвал интересный портрет известной красавицы Мэри Шервашидзе» [цит. по: 5]. В память о сеансах Сорин подарил М. Эривасти один из экспонировавшихся на выставке «Малый круг» крымских пейзажей. Воспроизведение портрета художник поместил в своем берлинском альбоме 1929 г.

Замечательно написала о роли тифлисских красавиц в художественной культуре Грузии 1920-х гг. И.П. Дзуцова: «<...> Были, были в Тифлисе Прекрасные Дамы. Вопреки войне, революции, наперекор страху перед будущим, эти юные красавицы имели веселый досуг, располагали к себе поэтов умением слушать и вдохновлять, а главное, сохраняли дар быть женщиной — всегда, везде. В одержимо-романтическом стиле их жизни как в капле воды отразился бег мятежной, жестокой эпохи, завертевшей их, молодых и талантливых, в бешеном круговороте расставаний и эмиграции. Однако им, музам и их поклонникам, юным и страстным и в дружбе, и в творчестве, пора была жить, творить и любить. Они до дна испили свою молодость и оставили заметный след в биографии уходящего века» [5].

Однако события гражданской войны напомнили о себе и в Грузии. В декабре 1919 — марте 1920 Сорин, как и многие его тифлисские друзья и знакомые — Судейкины, Городецкий и др. — совершает поездку в Баку, в Азербайджан: «В Баку начала 1920-х годов работали те художники, кто решал, сосредоточенно глядя за Каспий: ехать или не ехать? (Среди них были Сергей Судейкин и Савелий Сорин.)» [7].

Видимо, инициатором переезда был Сергей Городецкий, который перебрался туда еще в 1919 году. Позже в Баку из Тифлиса переезжают Алексей Крученых, урожденная бакиннка Татьяна Вечорка (Толстая), Юрий Деген, Александр Порошин. К этому времени здесь уже были К. Зданевич, А. Крученых, Е. Лансере. Здесь живут Велимир Хлебников, Вячеслав Иванов, Рюрик Ивнев. Наездами в Баку бывает Игорь Терентьев [см.: 9].

«Баку был пока свободен от большевиков, и в здешнем кафе “Веселый Арлекин” приезжие авангардисты с тревогой обсуждали вечные проблемы искусства и проблему выживания. <...>

Не очень ясно, что завлекло Судейкиных (и Сорина — А.Ш.) в Баку (может, близость Персии), но они там пробыли недолго. Уже в середине марта, до прихода большевиков, <...> они вернулись в Тифлис и, почувствовав, что закавказское убежище становится ненадежным, добрались поездом до Батуми, откуда двинулись в последнюю дорогу. <...>» [11, с. 230].

Жизнь в Баку оказалась весьма трудна. С. Городецкий вспоминал о том периоде: «Мне и в Тифлисе хлеб давался тяжело (три копейки за строчку). В муссаватистском Баку пришлось еще труднее <...>» [2, с. 322].

Но, тем не менее, упомянутый выше «Салонный альбом» Веры Судейкиной и в этих условиях продолжал пополняться, свидетельствуя о непрекращающейся творческой жизни. «Хронологически альбом охватывает период с 1916 по 1923 гг., с обширной географией – Петербург, Москва, Крым, Тифлис, Баку, Батуми, Париж. Это вынужденный маршрут перемещения четы Судейкиных и их друзей — авторов альбома, бежавших все дальше от революционной смуты и гражданской войны в России» [6]. Сравнительно недавно Альбом был издан в Принстоне с вступительной статьей Дж.Э. Боулта. Он пишет: «Альбомные записи с декабря 1919 по март 1920 свидетельствуют о разнообразности и активности русской колонии в Баку, несмотря на то, что авторы альбома составляли лишь маленький контингент из числа русских художников и писателей, живших в Баку в то время. <...> Все они не отказывали себе в удовольствии продолжать те же артистические занятия, что и прежде — устраивать выставки, писать и публиковать поэзию, посещать кабаре “Веселый арлекин”, полемизировать, в том числе и о судьбах России, издавать журналы» [20, р. XXV]»

Кроме уже упоминавшихся, в бакинский период в Альбоме появилось еще несколько поэтических посвящений Сорину и его портретам:

Потомок вековых колен,
Князь Оболенский мнет перчатку.
И зрителя берешь ты в плен,
Маня в былое, как в загадку.

Но чтоб от думы отдохнуть,
Зовешь к пейзажу голубому,

В какой-то лучезарный путь,
В затихший парк, в лесную дрему.

Совсем ты с Нестором не схож
Но все же летопись ты пишешь.
И долго будут чують дрожь,
Которой ты в портретах дышишь.

Нимфа Бел-Конь Любомирская

Баку

1919 г. Март

СОРИНУ

Портрет княжны грузинской Дадиани
Нездешний лик часовенных Мадонн.
Лилейных дум прозрачный сон.
Тропа небесная божественных скитаний.

Чуть движем шелест бархатных ресниц:
Скользкий луч молитвенных сияний...
Земной поэт упал безмолвный ниц,
Пленный тайной глаз невинных Дадиани.

А. Файнберг [цит. по: 6].

12 марта 1920 Сорин и Судейкины вернулись в Тифлис [см.: 10, с. 8], а уже через два месяца отплыли из Батума во Францию, в Марсель, и оттуда 20 мая перебрались в Париж [см.: 8, с. 122]. Начинаясь новый период жизни и творчества художника, которому были посвящены мои предыдущие статьи [см.: 17, 18].

1. **Боулт Дж.Э.** Сергей Судейкин: Жизнь в ближней эмиграции // В.Э. Борисов-Мусатов и «Саратовская школа»: Материалы 7-х Боголюбовских чтений. — Саратов: 2001. — С. 161-165.

2. **Городецкий С.М.** Жизнь неукротимая: Статьи, очерки, воспоминания. — М.: Современник, 1984. — 256 с.

3. **Городецкий С.М.** Автобиография // Советские писатели. Автобиографии. — Т. 1. — М.: Сов. писатель, 1959. — С. 320-331.

4. **Дзуцова И.** Судейкин в Тбилиси // Литературная Грузия. — 1978. — № 1. — С.176-184.

5. **Дзуцова И.** Тифлиские красавицы начала XX века // Русская мысль. — Париж. 2003. — Июль. // <http://www.nukri.org/index.php?name=News&file=article&sid=82>. // Тифлиские красавицы начала XX века GEORGIA ГРУЗИЯ.htm.

6. **Дзуцова И.** Альбом Веры Судейкиной-Стравинской. Бакинский период // Tenqid.Net Tehran Əlişanoğlunun fərdi saytı. — 2008. — 29.05 // <http://www.tenqid.net/contents.php?cid=441> // Tenqid_Net Tehran Əlişanoğlunun fərdi saytı.htm

7. **Дьякова Е.** Три огня. Баку в изобразительном искусстве XIX — XX веков // Новая газета. — 2000. — 07.09. — № 65. // <http://www.novayagazeta.ru/data/2000/65/>.

8. **Ладо Гудиашвили.** Парижские годы. 1920—1925 / Альманах. Вып. 257. — СПб.: Palace Edition, 2009. — 340 с.

9. **Лайдинен Н.** О сборнике Тиффлиского цеха поэтов и персоналиях, в него входивших — <http://www.laidinen.ru/women.php?part=5051&letter=M&code=5051> // Сайт Натальи Лайдинен.htm.

10. **Меньшова И.А.** [Комментарий] // **Судейкина В.А.** Дневник: 1917 — 1919: (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста, вступ. статья, коммент., подбор илл. И.А. Меньшовой. — М.: Русский путь, Книжница, 2006. — 672 с., илл.

11. **Носик Б., Жерлицын В.** Русские художники в эмиграции / Серия «Другая родина». — СПб.: Издательство «АРТ», 2007. — 560 с.

12. **Прокопчук А.А.** Грузинская рапсодия in blue // «Самиздат» // http://zhurnal.lib.ru/p/prokopchuk_artur_andreewich/georgia1958-1972.shtml.

13. **Судейкина В.А.** Дневник: 1917 — 1919: (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста, вступ. статья, коммент., подбор илл. И.А. Меньшовой. — М.: Русский путь, Книжница, 2006. — 672 с., илл.

14. **Тегюль М.** Письма дочери белого генерала // http://zhurnal.lib.ru/t/tegiulx_m/ Тегюль Мари_ Письма дочери белого генерала.htm.

15. **Цховребов Н.** Синие кони. // Дарьял.— 2002. — № 1. // http://www.darial-online.ru/2002_1/soder.htm. / Нугзар ЦХОВРЕБОВ -- СИНИЕ КОНИ.htm.

16. **Шахназарова А., Ляшенко М.** +41° // Спецфонд // АБГ № 2. // abg.boom.ru/num2/spec.html.

17. **Шило А.В.** С.А. Сорин во Франции (1920-е гг.) // С. Рахманінов та культура України (С. Рахманінов на зламі століть). — Вип. 9. — Частина II: Культура України в умовах глобалізації. — Харків: ФОП Носань В.А., 2012. — С. 172—203.

18. **Шило А.В.** С.А. Сорин во Франции (1930-е — 1940-е гг.). // С. Рахманінов та культура України (С. Рахманінов на зламі століть). — Вип. 10. Мультикультуралізм та культура України (до 140-річчя від дня народження С.В. Рахманінова) — Харків: ФОП Носань В.А., 2013. — С. 178—210.

19. **Эристов Г.** Тифлисский цех поэтов: Из воспоминаний // Современник. — Торонто: 1963. — № 5. — С. 30-33. С. 30

20. **Bowlт J.A.** Introduction // The Salon Album of Vera Sudeikin-Stravinsky / Ed. and tr. by J.E. Bowlт. Princeton, 1995.